

4/3/45
 Иваненко И

Этнографическіе матеріалы изъ Орловской губерніи.

І. Поминовеніе усопшихъ.

(Въ родительскую субботу, подъ Троицынъ день).

Причитанія по умершимъ въ нашихъ мѣстахъ (Дмитров. уѣздъ, Орлов. губ.) совсѣмъ исчезли.

Подъ Троицынъ день, въ родительскую субботу, крестьяне отправляются на кладбище, берутъ съ собою водки, пироговъ. Служать на могилкахъ панихиды, вмѣсто денегъ даютъ священнику по пирогу. Отслуживъ панихиду, садятся на могилку, выпиваютъ водку, закусываютъ пирогомъ, поминаютъ покойничка добрымъ словомъ. Ни слезъ, ни воплей—нигдѣ. Передъ тѣмъ, какъ уходить, запѣваютъ пѣсню и пляшутъ.

Я подошла къ женщинѣ постарше и говорю, указывая на молодыхъ: „Онѣ молоды, не понимаютъ, а ты старая, какъ же тебѣ не стыдно: развѣ ты не понимаешь, что здѣсь не мѣсто пѣть и плясать?“

Она взглянула на меня, слегка усмѣхнулась и отвѣтила: „А чтожь! Мы панихидку отслужили, покойничковъ помянули, теперь надо ихъ повеселить, а то они будутъ обижаться, если мы отъ нихъ невеселы пойдѣмъ“. Прихлопнули въ ладоши и затынули:

д. Горбуновка.

Произвольте, прикажите
 Вдоль по улицѣ пройтить,
 Къ хороводу подойтить.
 Подойду-ка къ хороводу,
 Нойду къ дѣвушкамъ поближе,
 Поклонюся имъ пониже.

КРАЕВЕДЕНІЕ
 2009

Какъ по первой полюбовности
 Парень съ дѣвкой стоялъ,
 Онъ и шуточку шутилъ:
 На ногу дѣвкѣ ступилъ,
 Башмакъ новый проломилъ.
 Башмакъ новый проломилъ,
 Чулокъ новый намаралъ.

Орловская област
 БИБЛИОТЕКА
 им. Н. К. Крупска

„Мнѣ не жалко башмака,
„Жалко бѣлаго чулка.
„Башмакъ батюшка купилъ.
„Чулокъ милый подарилъ.

Окончивъ одну пѣсню, онѣ начинаютъ другую, третью и т. д. вплоть до своей деревни. При началѣ каждой пѣсни онѣ становятся въ кружокъ, запѣвало и еще бабы двѣ помоложе входятъ въ этотъ кружокъ. Онѣ помахиваютъ платочками и приплясываютъ, а остальные прихлопываютъ въ ладоши и поютъ.

Подъ Троицынъ же день ходятъ въ лѣсъ; съ вечера плетутъ вѣнки изъ листьевъ подорѣшника; а въ Троицынъ день всѣ, начиная съ дѣтей и кончая сѣдыми стариками, всѣ надѣваютъ эти вѣночки на головы: мужчины сверхъ картузовъ, по околышу, а женщины сверхъ повойниковъ и идутъ такъ къ обѣднѣ.

II. Кукушки.

Въ Троицынъ же день желающіе вить вѣнки и „крестить кукушекъ“ собираются въ хату къ какой-нибудь вдовѣ, дѣлаютъ складчину: складываются по 10 коп. съ человѣка на водку; каждая должна принести по 5 яицъ, кусокъ мяса, вятловку (маленькую чашечку) крупъ, сальца. Кромѣ того, каждая должна принести оханочку хвоста.

На Духовъ день, когда всѣ собрались ко вдовѣ, садятся въ кружокъ, поджигаютъ хворостъ, берутъ сковороду, поджариваютъ сальца, варятъ яичницу и отдѣльно въ махоточкѣ кашницу.

Собираются гдѣ-нибудь на бугоркѣ, поютъ:

Выйду я, выйду я на улицу,
Ой да люли!..
Вынесу, вынесу беремце дровъ.
Раскладу я огонушку.
Ой да люли!

Наварю, наварю
Да ребятушкамъ кулешу,
А дѣвушкамъ кашицы.
Ой да люли!

Кину я, брошу я
Комариное стегнушко
Ребятамъ въ кулешъ.

Ой да люли!
А дѣвушкамъ 7 пудовъ
Коровяго маслица въ кашницу.

Ой да люли!
Тужила, тужила,

Что я много въ кулешъ положила.

Ой да люли!

Плакала я, плакала,

Что я много strатила.

Ой да люли!

Тужила, тужила,

Что я мало въ кашу положила

Ой да люли!

Плакала я, плакала,

Что я мало strатила.

Ой да люли!

Когда все готово, пьютъ водку, закусываютъ и идутъ на лужокъ подъ ракирку. Тамъ, изъ вѣтокъ ракирки плетутъ вѣнки и вѣшаютъ на нихъ кресты, или платки, или ленты.

Двое (парень ли съ дѣвушкой, дѣвушка ли съ дѣвушкой—это безразлично) берутъ вѣнокъ въ руки, становятся другъ противъ друга и поютъ:

д. Веретьякина.

Благослови Троица

Намъ въ лѣсъ пойтить,

Намъ вянки завить!

Ты, кукушечка ряба,

Да кому жъ ты кума,

Да еще кумушка,

Да еще голубушка!

Поютъ и черезъ вѣнокъ цѣлуются. Это называется „покумиться“. При этомъ мѣняются или крестами, или платками, или лентами. Идутъ въ лѣсъ.

д. Горбуновка.

Кукушечка ряба!

Кому жъ ты кума?

Кому ты душа?

Я—кума Марьюшкѣ,

Я—душа Марьюшкѣ.

Ой, лели!

Я—кумушка,

Подруженька вамъ.

Пойдемъ въ лѣсъ

Вяночки вить

На свою головушку

На свою гряливую ¹⁾.

д. Горбуновка.

Марьюшка!

Пойдемъ вянки завивать,

¹⁾ Гряливая—шутливая, охотница до улицы.

Полотной ¹⁾ кружила,
По миломъ тужила:
„Свѣтъ мой, миленькій,
„Голубчикъ бѣленькій!
„Какъ намъ быти?
„Кого любити?
„Поѣхалъ мой милый
„А въ торгъ торговать
„Съ молодыми людьми
„Съ прежними друзьями.

д. Горбуновка.

Не кипучій, гремучій колодець.
Закипаетъ въ колодезь вода,
Завнываетъ а въ молодцѣ сердце
На чужихъ женъ, да на женъ на хорошихъ,
Все на дѣвушекъ на красныхъ, пригожихъ.
Чужи жены хороши, пригожи.
Но моя жена шельма некорыстная,
На работу независтная,
Куды послать—отель не дождеся,
А дождавши—всей правды не скажетъ,
Кабы я зналъ, молодець, свою долю,
Долю, долю, долюшку плохую,
Я бъ повѣкъ молодець не жанился,
Холостой бы свой вѣкъ волочился.

д. Горбуновка.

Охъ ты, Ванька замотайка,
Замоталъ свою головку
На чужей, дальней сторонкѣ.
Полюбилъ Ваня дѣвчонку,
Ионъ не малу, не величку,
Лицомъ бѣлу, круглолицу.
Ионъ со вечера кудри чешеть,
Со полуночи гулять ходить,
Ко бѣлу свѣту приходитъ.
Ионъ стучить, гремитъ въ ворота:
„Откутай, жана, ворота,
„Зажигай, жана, лучину,
„Собирай, жана, вечеру,
„Ты стяли, жана, постелю.

¹⁾ Полотно—бумажная или льняная ткань.

д. Горбуновка.

Ты долина моя, широкая!
По долинушкѣ дорожка пролежала,
По дорожкѣ дѣвка парня провожала,
На про все, про все съ милымъ говорила,
Про ядиное словечушко позабыла.
Не жанися, мой милой другъ,
Не бери ты сае вдовца
Жаны вдовки.
А у вдовушки обычай
Да не дѣвичій.
На постелюшку стелить—
Слезно она плачетъ,
Къ изголовью припадаетъ—
Все ругаетъ,
Одѣяломъ одѣваетъ—
Проклинаетъ,
Про прежняго сваво мужа
Вспоминаетъ.

д. Горбуновка.

Выйду я, выйду—
Лелемъ ё,
Выйду я, вытеку
Молода да на вулицу.
Вынесу я, вынесу
Соловья да на ручушкѣ.
Посажу я соловьюшку
На широкую же вулицу
На зеленую мураву.
Соловьёшка защелокчетъ,
Молоденькій защелокчетъ:
„Поиграй, дѣвушка,
„Поиграй красная!
Лелемъ ё.
Не вгадать вамъ, дѣвушки,
Каковъ вашъ ладушка будетъ?
Каковъ вашъ ладушка будетъ,
Каковъ достанется?
Либо журливая,
Али гряливая?
Журливая ладушка
Да по торгу ходила,
Плети закупала.
Плети закупала
На свое тѣло бѣлое,
На лицо на румяное,
До со вечера было тѣло
Какъ калачъ было бѣло,

Къ бѣлу свѣту тѣло
Что котель посинѣло.
Ну за что жъ оно побито?
Ну за что жъ пожурено?
—Все то за обычай,
За нравъ за дивичій.

д. Горбуновка.

Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
Все на умѣ дружка дяржу.
На умѣ, да на разумѣ,
На своихъ крѣпкихъ мысляхъ.
Полюбила бѣ я молодчика—
Не могу въ лицо признать,
Стала въ лицо признавать,—
Сталъ молодчикъ отставать.
Сталъ молодчикъ отставать,
Съ иной Шашею гулять.
Да гуляй, гуляй, Шашенькая,
Пока намъ волюшка дана.
Дана, дана волюшка,
Не покрыта головушка.
Покрываютъ головушку,
Да навалитъ великую заботушку.
Первая заботушка—свекоръ, свекровьюшка,
Другая заботушка—деверь и невѣстуски,
А третья заботушка—мужъ,—заудалая голова,
Не пушаетъ онъ никуда:
Ни на улицу пыграть,
Съ ребятами пошутить.

д. Горбуновка.

Зацвѣла въ лузѣ лоза!
Голубы Маши глаза
На свѣтъ бѣлый не глядятъ,
Про любовь говорятъ:
„Я да любила яднаго,
Я страдала за яво.
„Я страдала, помирала,
„Слезно плакала я по ёмъ.
„Что юнъ мене позабылъ,—
„Катюшечку полюбиль!
„Катюшечка, душечка
„На пригорью стояла
„Да соловьюшка держала.
„Соловьюшка рябенкій,
„Голосочекъ тоненькій!

„Да не пой рано, по зари,
„У мене нѣту тираны—
„Нѣтъ да ни матери, ни отца,
„Ни Ванюши молодца!

д. Веретькина.

Подъ лѣсомъ, подъ лѣсомъ,
Подъ темнымъ, зеленымъ,
Тамъ наши ребята
Пашеньки пахали,
Въ четыре сошонки,
Пятая боронка,
Шестая простая
И та не гуляла—
Бѣлъ ленъ разсѣвала,
Приговоръ приговаривала:
„Расти, мой ляночекъ,
„И тонокъ, и дологъ,
„И бѣлъ, что ковыла,
„И крѣпокъ, что жила.
Сталъ ленъ выростать,
А я горевать:
„Съ кѣмъ мнѣ бѣлъ ленъ брать?
Золотое коренье?
А свекоръ-то скажетъ:
—Да, невѣстка, невѣстка!
Сноха молодая!
Пойдемъ лянокъ брать,
Ковыль выстилать.
„Ой, чортова брача ¹⁾
„Подъ межою лежа
„Лихорадка дережа!
„А вдарить,—подыметъ
„Объ сырую землю,
Объ желтые пяски,
„Не давай молодкѣ тоски!

д. Веретькина.

Подъ дубкомъ сѣдила дѣвка съ молодцомъ,
Накинувши рукава.
Какъ на молодцу калтанъ ²⁾
Зеленѣтся,
Какъ на дѣвушкѣ рубашечка
Бѣлѣтся.

¹⁾ Брача—по Далю скрипка. Вѣроятно свекоръ говорилъ тоненькимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

²⁾ Калтанъ—кафтанъ.

Съ чаво сѹха, съ чаго вяла
Подкошѣнная трава?
Съ чаво пѣяна, весела
То Васюткина жана?
—Василій, господчикъ,
Не бей меня въ бѣлый день,
Не смяши добрыхъ людей.
Прибей меня въ ноцѣ
При лучинѣ, при свѣчѣ,
При семеюшкѣ своей,
Что при матушкѣ родней.

д. Веретькина.

Не гуркай, мой сизенькій горкунокъ,
Не давай тоски, печали моему животу,
Да моимъ яснымъ очамъ.
Мои ясны вочи
Не даютъ покой ноцѣ
Съ милымъ дружкой гулять.
Я со горя, со тоски
Пойду въ чистое поле,
Я раскину бѣль шатеръ
При дорожкѣ при большой,
При широкой, столбовой.
Какъ по той-то по дорожкѣ
Добрый молодецъ ишѣлъ,
Добрый холостой ишѣлъ.
„Охъ ты, молодецъ, молодчина!
„Заѣзжай ко мнѣ ты въ гости.
„Я въ головушкѣ поищу,
„Черныя вудри расчяшѣ!
Я искать, не наискала,
Добра молодца пристала
На своихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.
Какъ заставила дѣвица
Молодца пѣшаго ходить,
Въ рукахъ тросточку носить—
Трость серебряную, подзолоченую.
Какъ и люди косить,
А онъ трости носить,
Какъ и люди пахать,
А онъ тростью махать!

Весь вечеръ Духова дня они проводятъ въ ближайшемъ лѣсу:
играютъ въ прятки, въ жмурки, грызутъ подсолнухи, веселятся.
Передъ тѣмъ какъ уходитъ, бросаютъ вѣнки въ рѣку, поютъ:

Да калинушка, да малинушка,
 Мой бѣлый цвѣточекъ,
 Веселая бесѣдушка,
 А и гдѣ мой батюшка пѣть.
 Ионъ пѣть, не пѣть,
 За мной молоду шлеть.
 А я молода молодешенька
     Замѣшталась
 За гусьями, да за утями
     Да за лебедями,
 За дробною за пташечкою
     За журавкою.
 Журавушка да по бережку
     Похаживала,
 Да ковыль-травку пощипывала,
 Студеною водицею прихлебывала,
 Да на горушку, на крутую поглядывала.
 Да на горушкѣ, на крутой
     Шатры, дворы,
 А въ тѣхъ дворахъ—четыре кумы.
 Да вы, кумушки—голубушки!
 Кумитесь, да любитесь,
 И полюбите вы мене.
 Подите вы на Дунай-рѣчку,
 Возмите вы мене;
 Подите вы въ зеленый садъ,
 Возьмите вы мене.
 Сорвите вы по цвѣточку,
 Сорвите вы мене;
 Совете жъ вы по вяночку,
 Вы свейте вяночекъ и мнѣ;
 Взложите вы на головки,
 Возложите и мнѣ.
 Пойдете вы на Дунай-рѣчку,
 Возьмите вы мене;
 Вы киняте свои вяночки,
 Вы бросьте и мой.
 Ваши вянки у во сверхъ воды,
 А мой вянчекъ потонуть.
 Ваши мужья съ Украйны идутъ,
 А мой запропалъ;
 Ионъ самъ нейдетъ, и письма не шлеть,
 И мене къ сая не беретъ.

Если вѣнокъ бросаетъ дѣвушка, и онъ не потонетъ, значитъ она
 выйдетъ замужъ; если потонетъ—умретъ. По домамъ расходятся
 ночью.

III. Крестинный обряд села Волконска, Орловск. губ., Дмитровскаго уѣзда.

Отправляя ребенка крестить въ церковь, дома готовятъ обѣдъ. Столъ накрываютъ чистой скатертью, ставятъ, смотря по достатку, вареную свинину, жареную курицу, пшениный каравай.

По возвращеніи изъ церкви, воспріемники приносятъ окрещенаго младенца. Входя въ хату, крестятся на образа и, передавая ребенка матери, говорятъ: „Дай Богъ часъ, роста великъ, будь здоровъ!“ Потомъ садятся за столъ.

Кумъ беретъ бутылку водки, наливаетъ въ стаканчикъ и поочередно подноситъ присутствующимъ, не исключая и роженицы; а кума обходить присутствующихъ съ тарелочкой и собираетъ „крестницѣ на мыло“. Бабка-повивалка приноситъ горшокъ съ гречневой кашей, обернутый платкомъ, снимаетъ его и накидываетъ на голову, не складывая, поднимаетъ горшокъ кверху и читаетъ:

Бабушка Саломонида
 На престолѣ стояла,
 Христа повивала,
 И намъ, рабамъ, приказала
 Аржаницы ¹⁾ помогать,
 Младенца повивать.
 Чтобъ мой унучичикъ
 Великъ росъ,
 Здоровъ былъ,
 До церквя Божьей ходилъ,
 Божье писанье читалъ,
 Отца, матерю почиталъ,
 И усѣхъ старшихъ,
 И мене, бабушку.
 Чтобъ яво князи—бояре любили,
 У высокій теремъ водили,
 За дубовый столъ садили,
 Чаемъ, кофеемъ поили,
 Золотымъ перстнемъ дарили,
 Красной дѣвицей.

Послѣ этого, кумъ беретъ этотъ горшокъ и „бьетъ его на ложки“; выбираетъ черепокъ побольше, беретъ имъ кашу и „насаливаетъ ее отцу новорожденнаго“. Всѣ присутствующіе тоже берутъ черепки вмѣсто ложекъ, а бабка обходитъ съ тарелкой столъ и собираетъ деньги „за кашу“. Этотъ сборъ поступаетъ въ ея пользу.

Когда все попьютъ и поѣдятъ—расходятся по домамъ.

¹⁾ Роженицѣ.

IV. Страданье.

Пѣсня эта записана со словъ мѣщанокъ г. Дмитровска Орловск. губ. лѣтъ 10—12 тому назадъ, когда въ Орель и Сѣвскъ приходилось ѣздить лошадьми. Съ проведеніемъ Моск.-Кіево-Ворон. ж. д. въ Дмитровскъ стали заглядывать труппы малороссовъ, другіе артисты, кушлеты прибавились, и вокзалъ и станція Комаричи сосредоточили на себѣ вниманіе и закончили пѣсню.

По комъ сохну, по комъ вяну?
 На каво теперь я гляну?
 Куда дѣлась, запропала
 Моя прежняя забава?
 Подъ вѣнецъ стану—заплачу,
 За каво иду?—за клячу!
 Не любила—была бѣла,
 Любить стала—почернѣла.
 На томъ баку, за рѣкою,
 Монастырь себѣ построю.
 Въ монастырь пойду спастись,
 Зайду къ милому прощаться.
 Охъ, что-жъ, милка, грубіянишь?
 Напротівъ стоишь не глянешь?
 Плыветъ утка—утятъ нѣту!
 Идутъ дѣвки—ребятъ нѣту!
 Плыветъ утка, утенята!
 Идутъ дѣвки и ребята!
 Отходились мои ножки
 По Дмитровской по дорожкѣ.
 Привыкайте жъ, мои ножки,
 Ко Орловской, ко дорожкѣ.
 Всѣ тропиночки завяли,
 Гдѣ мы съ миленькимъ гуляли,
 Заросла стѣжка травюю,
 Гдѣ гуляли мы съ табою.
 Всѣ праулки попрошла,
 Сваво милку не нашла.
 Прощай, милка, до свиданья!
 Не забудь маво страданья!
 Идетъ милка стороною,
 Не нуждается онъ мною.
 Не нуждайся, чортъ съ тобой!
 Не нуждаюсь я тобой.
 Идетъ милка тротуваромъ
 Не то тронуть, не то—„даромъ?“¹⁾

¹⁾ Даромъ—мѣстное выраженіе, означаетъ не нало.

Стоитъ милка на крыльцѣ,
 Съ выраженьемъ на лицѣ.
 Я надѣну платье бѣло,
 Чтобы сердце не болѣло,
 А платочекъ голубой—
 „Полюби меня, милой!“
 Пойду, выйду на Кромскую,
 Зайду къ милкѣ въ мастерскую.
 Я любила—мать не била,
 Я страдала—мать не знала,
 Мать узнала—ругать стала,
 Со двора меня согнала.
 Прощай, милка, я уѣду,
 Не найдешь ты маво слѣду.
 Разстается ледъ съ водою,
 Но не я, милка, съ тобою.
 Вы подайте ножикъ, вилку,
 Заколю я сваю милку.
 Вы подайте стаканъ рому,
 Я поѣду къ мировому.
 Мировой нашъ не папаша,
 Не разсудить дѣло наше.
 Болитъ сердце и легкѣе,
 Не доѣду до дохтора.
 Мене дохтуръ не поможетъ,
 Только больше растревожить.
 Охъ, папаша съ мамашею!
 Первѣнчайте съ милашею.
 Мы страдали и бросили,
 Отложили до осени.
 Дуетъ вѣтерокъ съ востока,
 Идетъ милка съ таво бока.
 Дуетъ вѣтерокъ съ вокзала—
 Идетъ миленькій съ базара.
 Что жъ ты, милка, лицемѣришь,
 Я люблю, а ты не вѣришь.
 Я сидѣли на бухветѣ,
 Письмецо писала Петѣ.
 Написала второй номеръ,
 Мнѣ сказали: „Петя померъ!“
 Какъ умретъ же мой Алешка,
 Куплю гробъ ему на ножкахъ,
 Абабью его батистомъ,
 А сама пойду къ артистамъ.
 На Комарицкомъ вокзалѣ
 Восемь дѣвокъ замерзали.
 Чего-жъ онѣ замерзали?
 Кондукторовъ поджидали.
 Не ходите, дѣвки бѣлы,
 Не придется ваше дѣло!

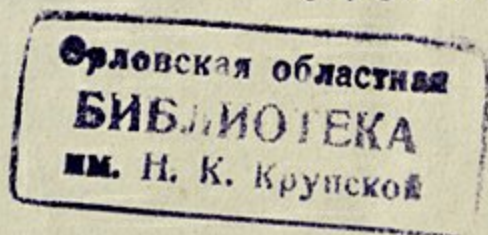

Записано съ удержаніемъ произношенія.

Начинали онѣ пѣть послѣ вечерни, часа въ 4 и пѣли до поздняго вечера. Однообразный, безконечный напѣвъ обратилъ мое вниманіе и пѣсня постепенно была записана.

Над. Иваненко.

378937

Изъ журнала „Живая Старина“, вып. IV, 1910 г.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

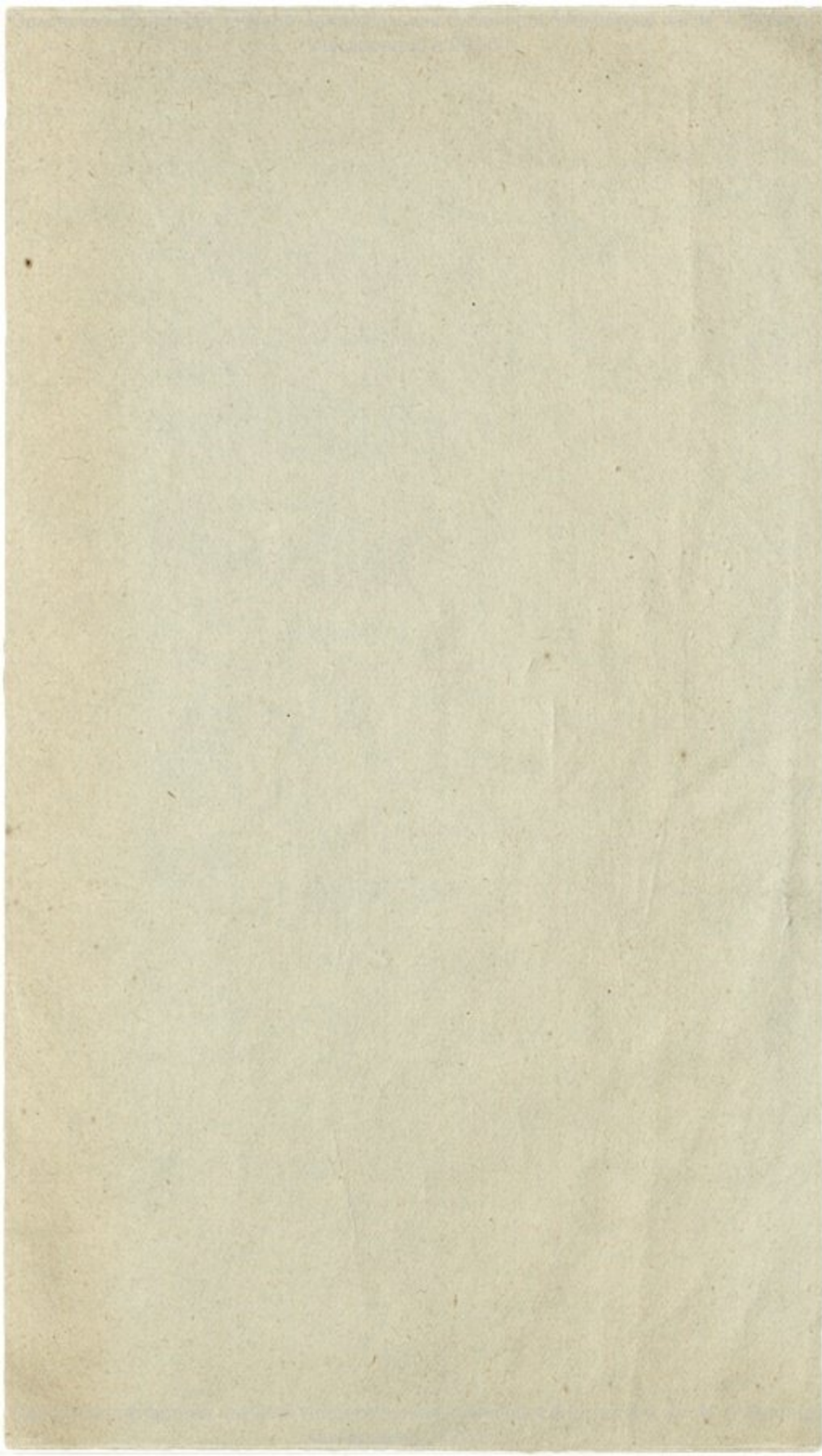

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

12001

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
12001

1020

